Содержание

От составителя 6

Вместо предисловия.
Что такое образование,
или О пользе русской литературы.
Диалог Петера Тиргена и Ольги Борисовны Лебедевой
об истоках любви Петера Тиргена к русской литературе 24

Часть I
История русской литературы 49

Стихотворная эпопея М.М. Хераскова
«Россияда» — русская «Энеида»
или бастард псевдоклассицизма? 51

Опыт анализа стихотворения
А.С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...»
в рецептивном аспекте 71

Дьявол в качестве режиссера. Мир Гоголя
как театр марионеток 83

К проблеме нигилизма в романе
И.С. Тургенева «Отцы и дети» 126

Aliis in serviendo consumor
(«Светя другим, сгораю сам»):
эмблематическая символика и образный язык
в романе И.С. Тургенева «Рудин» 147

Роман и драма: теория и практика
жанрового синтеза в ранних романах
И.С. Тургенева 165

«Леди Макбет Мценского уезда» Н.С. Лескова
и «злая воля» А. Шопенгауэра 194

Шопенгауэр в России (постановка проблемы) 221

«Поэты много лгут»: Чехов, или Любовь к маске 239

Мортальный синдром острова Капри:
к интерпретации рассказа И.А. Бунина
«Господин из Сан-Франциско» 266

Часть II
Творчество И.А. Гончарова 315

Замечания о рецепции Гончарова
в немецкоязычных странах 317

«Новые темы» в старом «Обломове» 330

Обломов как человек-обломок
(к постановке проблемы «Гончаров и Шиллер») 352

Халат Обломова 382

«Широта» и «уз(к)ость» в романе
И.А. Гончарова «Обломов» 397

Обломовка как Анти-Итака:
архетип Одиссея в творчестве И.А. Гончарова 409

Часть III
История русских понятий 457

История русских понятий:
к постановке проблемы 459

«Homo sum» — «Europaeus sum» — «Slavus sum»:
к вопросу о культурном споре между
просветительством, евроцентризмом
и славянофильством в России
и западнославянских культурах 479

Заметки о раннем русском понятии «нигилизм» 520

Образы Аркадии в русской литературе XVIII–XIX вв. 533

Равнодушная природа: о топосе русской литературы 579

«Life is a tale // Told by an idiot». К понятию «доброго сердца» у Достоевского и Гончарова 614

Список трудов профессора Петера Ханса Тиргена 645

Указатель имен 661

От составителя

Известный немецкий филолог, профессор, много лет заведовавший кафедрой русского языка и литературы Бамбергского университета, Петер Ханс Тирген в общении с русскими коллегами любит называть себя просто Петр Иванович. В этой самоидентификации, разумеется, есть элемент свойственной Петеру Тиргену иронии, но одновременно это и вербально выраженный знак причастности к той культуре, которая для немецкого ученого уже давно стала больше чем делом жизни. Немецкий славист Петер Ханс Тирген и его русский двойник Петр Иванович — неразделимое единство двух культур и двух национальных традиций мышления, рефлексии, филологического знания.

Первое серьезное исследование немецкого ученого было посвящено эпической поэме М.М. Хераскова «Россияда»[1]. Опубликованная в Бонне в 1970 г., эта диссертация Петера Тиргена поражает не только своим объемом, основательностью, прекрасным знанием источников, но и методологией. Все восемь глав этого труда — поступательное постижение на первый взгляд странной и архаичной поэмы Хераскова как закономерного и естественного этапа русского художественного сознания и национального мышления вообще. Исследователь вписывает произведение в русскую (от Кантемира до Майкова) и мировую традицию (античную, итальянскую, Нового времени — Мильтон, Вольтер), но не для того, чтобы придать ему более значительный статус, а для того, чтобы выявить своеобразие русского эпоса. Шестая и седьмая главы книги — «Наблюдения

---

[1] *Thiergen P.* Studien zu M.M. Cheraskovs Versepos «Rossiada»: Materialien und Beobachtungen. Bonn, 1970. 364 S.

над композицией», «“Россияда” и сентиментализм» — осмысление поэтики «Россияды» как характерного и репрезентативного явления русского художественного сознания. Синтез классицистического и сентименталистского мышления, элементы рококо (см. раздел «Чувствительность и рококо»), выявленный автором в процессе анализа композиции, мотивов и образов, позволил говорить о традиции херасковского эпоса для последующей эпохи литературного развития вплоть до «Руслана и Людмилы» Пушкина.

Странный, казалось бы, выбор объекта исследования (ведь даже и в отечественном литературоведении «Россияда» почти не удостоивалась специального изучения, да и нередко вызывала ироничное отношение) закономерен для Петера Тиргена как ученого. «Во всем мне хочется дойти до самой сути» — так можно определить его не только исследовательскую, но и жизненную позицию. Эпическая поэма Хераскова — один из первых актов национального самосознания России в новое время ее истории — и в этом отношении обращение Петера Тиргена к «Россияде» глубоко не случайно: это осознанное стремление понять, как другая культура, другой язык и другая ментальность позиционируют себя в общечеловеческом культурном контексте.

Русский XVIII век привлек исследователя своей архаичной первозданностью, незамутненностью духовного и национального самосознания, когда многие понятия еще только формировались, когда остро стояла проблема творения литературного и метафизического языка новой русской словесности и закладывались основы классической русской словесной культуры XIX столетия. И позднее, обращаясь к «Путешествию из Петербурга в Москву» Радищева[2], к поэме Ломоносова «Петр

[2] Zeitschrift fűr Slavische Philologie (далее — ZfslPh). 1973. Bd. 37. S. 101–116.

Великий»[3], к рецепции и функционированию мотива «триумф Венеры»[4] в русской литературе XVIII в., Тирген осмысляет русский XVIII в. как феномен духовного развития нации, эстетических поисков и философского самоопределения.

Диапазон исследовательских интересов немецкого слависта широк: здесь и размышления о поэтике пушкинского стихотворения «Брожу ли я вдоль улиц шумных...»[5], и осмысление гоголевской «Шинели» как «теологического нарратива» в соотношении с Нагорной проповедью[6], и размышления о марионеточной природе гоголевского мирообраза[7], и сопоставительный анализ контрастных идеологем немецкой и русской картины мира[8], и анализ чеховских рассказов «Толстый и тонкий» и «Княгиня»[9], и рассмотрение поэтической мотивологии К. Бальмонта[10].

Цель нашего разговора о Петере Тиргене не обзор его трудов. Подробные сведения об этом можно отыскать на специ-

---

[3] ZfslPh. 1975. Bd. 38. S. 120–127.

[4] Slavistische Studien zum VII. Internationalen Slavistenkongress in Warschau 1973. Műnchen, 1973. S. 484–496.

[5] Die russische Lyrik. Herausgegeben von Bodo Zelinsky... Köln; Weimar; Wien, 2000. S. 86–92, 421–423.

[6] Gattungen in den slavischen Literaturen: Festschrift fűr Alfred Rammelmeyer... Köln; Wien, 1988. S. 393–412.

[7] См.: Göttliche, menschliche und teuflische Komödien. Europäische Welttheater-Entwürfe im 19. und 20. Jahrhundert / Hg. A. Gier // Romanische Literaturen und Kulturen. Bd. 3. University of Bamberg Press, 2011. S. 37–69.

[8] *Thiergen P.* Aufrechter Gang und liegendes Sein. Zu einem deutsch-russischen Kontrastbild. München Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 2010. 99 S.

[9] См.: Hamburger Beiträge für Russischlehrer 27. 1982. S. 175–190; Festschrift für H. Bräuer zum 65. Geburtstag... Köln; Wien, 1986. S. 585–608.

[10] Byzantine Studies / Études Byzantines. 1981, 1984–1985. Vol. 8, 11–12. P. 387–394.

альном сайте Бамбергского университета[11]. И список его трудов говорит сам за себя: в нем отражаются пристрастия ученого, вехи его творческого пути, интенсивность поисков... Но все-таки личность исследователя выражается, прежде всего, в пафосе его творчества, в той «осердеченной идее», которая питает его научный поиск. Быть может, понятие «пафос» недостаточно адекватно отражает дух изысканий Петера Тиргена, всегда предельно точных, фактически насыщенных и даже кажущихся почти позитивистскими. Но это лишь на первый и достаточно поверхностный взгляд.

Во всех трудах исследователя есть свой нерв и сквозная сверхидея. Начиная с разысканий о «Россияде», Тиргена волнует феномен русской духовности, шире — славянского духа, и еще шире — феноменология человеческого духа вообще. Одна из его программных работ носит характерное заглавие: «“Homo sum” — “Europaeus sum” — “Slavus sum”: Zu einer Kulturkontroverse zwischen Aufklärung, Eurozentrismus und Slavophilie in Russland und der Westslavia»[12]. Историю функционирования знаменитого афоризма Теренция «Homo sum: humani nihil a me alienum puto» («Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо») автор рассматривает как определенное историко-культурное понятие, в разные исторические периоды и в различные культурные эпохи (просветительство, евроцентризм, славянофильство) обретающее в России и Восточной Европе свое идеологическое наполнение и философское звучание. Определенное сужение объема понятия — следствие обостренных споров и национально-освободительного движения в славянском мире. И вместе с тем, по мнению ученого, тоска по общечеловеческим, общегуманистическим ценностям, идущая от Карамзина к Грановскому, Станкевичу, Белинскому — то, что Тургенев называл «идеализмом

---

[11] Schriftenverzeichnis Prof. Thiergen. [Электронный ресурс]. URL: http://www.thiergen.de/index.php5?titel=Schriftenverzeichnis&num=1.

[12] ZfslPh. 1998. Bd. 57. S. 50–80.

в лучшем смысле слова», всегда питала русскую мысль и определяла ее «всечеловеческую отзывчивость».

Подобного рода статьи Петера Тиргена[13] вряд ли укладываются в разряд чисто филологических. В них поднимаются глубинные экзистенциальные проблемы, и это становится возможно благодаря глубоким познаниям автора в истории европейской культуры, начиная от ее греческих и латинских первооснов. В высшем смысле это философская рефлексия о судьбах европейского гуманизма и проблемах национально-исторического самоопределения. И очевидно вырисовывается ее историософское и культурологическое звучание. Огромный материал античной, западноевропейской, русской и восточнославянской мысли, проанализированной сквозь призму одного афоризма, обретает масштаб своеобразного духовного феномена.

История понятий как историко-культурных феноменов, реализованных и образно выраженных в литературе, — вот главный объект филологических изысканий Петера Тиргена. В программном докладе на Международной конференции в Бамберге 19–22 октября 2001 г., специально посвященной истории русских понятий Нового времени[14], он, вдохновитель и организатор этого симпозиума, определил методологию своих исследований как феноменологическую и рецептивную. В данном случае мысль исследователя можно было бы продолжить: не говоря об этом прямо, Петер Тирген выстраивает свои исследования как имагологический текст, ибо языковая и образная картина мира, складывающаяся как из истории эволюционирования одного

---

[13] См., например: *Thiergen P.* Die «gleichgültige Natur». Zu einem Topos in deutscher ünd russischer Literatur // Die Wirklichkeit der Kunst und das Abenteuer der Interpretation. Festschrift für Horst Jürgen Gerigk / Hg. K. Manger. Universitätsverlag C. Winter Heidelberg, 1999; *Thiergen P.* Arkadien und Europa. Beiträge zur Tagung in Hundisburg vom 27. bis 29. April 2007 / Hg. B. Heinecke, H. Blanke.

[14] ZfslPh. 2002. Bd. 47. S. 104–105.

типологического для русской словесной культуры понятия, так и из их совокупности, является по определению имагологическим ментальным текстом, на первом плане которого всегда оказывается духовное своеобразие менталитета, явленное, прежде всего, в языке и смысле.

Эти методологические подходы немецкого слависта рождают естественную память о великом творении Гегеля «Феноменология духа», появившемся около 200 лет тому назад в 1807 г. Именно Гегель впервые заговорил о явлениях (феноменах) сознания в их историческом развитии. В «Предисловии» к своему труду Гегель определяет суть «познания в понятиях». «Наука должна организоваться только собственной жизнью понятия; в ней определенность, которая по схеме внешне наклеивается на наличное бытие, есть сама себя движущая душа наполненного содержания»[15], — это положение философа намечает нравственный потенциал его феноменологии. Антропологический смысл понятий становится очевидным при размышлениях Гегеля о нравственном мире, «моральном мировоззрении», совести и т.д. Гегелевские понятия-феномены — это, прежде всего, прорыв в антропологическое и историософское пространство человеческой мысли. И в этом отношении гегелевская традиция «феноменологии духа» принципиальна для поисков современной филологии.

В исследовательском лексиконе Тиргена — судьба самых разных понятий. Он писал о философии пилигримажа у Тургенева в связи с этим же мотивом у Шиллера. В поэзии К. Бальмонта он исследовал понятия «дендизм» и «дилетантизм». Образы «мыслящего тростника», «равнодушной природы» в русском культурном сознании; историософский смысл идеологемы «aufrechter Gang und liegendes Sein» («прямохождение и лежачее существование»); ключевые слова «сила», «ломать» и «загад-

---

[15] *Гегель Г.В.Ф.* Система наук. Часть первая: Феноменология духа / пер. Г. Шпета. СПб., 1999. С. 28.

ка» в романе Тургенева «Отцы и дети»; «халат Обломова» как знаковое явление; судьба афоризма «Homo sum»; соотношение «агона» и «агонии» в русском сознании Нового времени — этот спектр понятий, образов, мотивов, топосов далеко не исчерпывает научные поиски бамбергского профессора, но дает представление о его «феноменологии духа».

Петер Тирген осмысляет гегелевскую феноменологию в пространстве культурного и эстетического опыта человечества, прежде всего, в соотношении немецкой и русской традиции мышления. Он пытается постигнуть преломление понятий в языке, образах, эстетическом сознании. И в этом постижении понятий-феноменов границы между философским, культурологическим и филологическим дискурсами не стираются, а обретают необходимую подвижность и гибкость. Жизнь и судьба понятия в литературном сознании — таково главное направление научных изысканий Петера Тиргена.

Показательной в этом отношении является классическая работа исследователя, посвященная судьбе понятия «нигилизм». Появившись в журнале «Die Welt der Slaven» (1993, Bd. 38/2), она почти сразу же была переведена на русский язык и опубликована в журнале «Русская литература» (1993, № 1). Один из блистательных знатоков немецкой культуры, известный литературовед А.В. Михайлов, приступая к разговору об истории нигилизма, справедливо говорил о «замечательной статье П. Тиргена, посвященной проблеме нигилизма в романе И.С. Тургенева “Отцы и дети”, статье, которая далеко выходит за рамки означенной в заглавии проблематики и весьма своевременно ставит некоторые необходимые акценты в изучении слова и феномена “нигилизма”»[16].

И эти слова не просто дань уважения и признания заслуг предшественника. А.В. Михайлов акцентировал в исследовании

---

[16] *Михайлов А.В.* Из истории «нигилизма» // Михайлов А.В. Обратный перевод. М., 2000. С. 537.

немецкого коллеги, прежде всего, масштаб мысли и актуальность подходов к изучению «ключевых слов культуры».

Статья П. Тиргена значительно расширила круг источников тургеневского понятия «нигилизм», обратив внимание на немецкие дебаты 1840–1850-х годов вокруг сочинений «вульгарных материалистов» и в особенности книги Людвига Бюхнера «Сила и материя». Немецкий ученый убедительно показывает, что и споры вокруг «Молодой Германии», и повесть Карла Гуцкова 1853 г. со знакомым заглавием «Нигилисты» были известны автору «Отцов и детей» и способствовали в его сознании «идентификации или по крайней мере соотнесению вульгарного материализма и нигилизма», что после тургеневского романа и «стало на повестку дня русской критики»[17]. Вывод исследователя о том, что «тургеневское понятие нигилизма не является в первую очередь революционно-политическим, но также обладает философско-теоретическим импульсом» и что это «отвечает стремлению не быть политическим писателем, но тем не менее отражать “жизненную реальность своего времени”»[18], представляется глубоко обоснованным и перспективным для осмысления места тургеневского романа не только в русском, но и в европейском культурном пространстве.

Как и в других своих работах, Тирген рассматривает «нигилизм» как духовный феномен, как понятие, претерпевшее существенные изменения в процессе своего функционирования. «Новое в романе “Отцы и дети”, — резюмирует исследователь, — в большей степени заключается в том, что материалисты сами называют себя “нигилистами” и воспринимают эту самохарактеристику как похвальное и почетное звание»[19]. А.В. Михайлов, характеризуя это размышление немецкого коллеги как сущест-

---

[17] Русская литература. 1993. № 1. С. 45. См. также статью «К проблеме нигилизма в романе И.С. Тургенева “Отцы и дети”» в наст. изд.

[18] Там же. С. 46–47.

[19] Там же. С. 45.

венный вклад в историю понятия «нигилизма», подчеркивает, во многом опираясь на выводы своего предшественника, что «настоящее достижение Тургенева — в беспрецедентном *новополагании* слова “нигилизм”»[20].

Своеобразным постскриптумом к истории русского нигилизма стала появившаяся уже в следующем году статья «Жан-Поль как источник раннего русского понятия “нигилизм”» («Jean Paul als Quelle des frühen russischen Nihilismus-Begriffs»)[21], где автор углублял представление о генезисе феномена. Обратившись к «Приготовительной школе эстетики» Жан Поля, П. Тирген показал значение словосочетания «поэтический нигилизм» и его последствия в эстетических штудиях Жуковского, Надеждина, Шевырева. Во-первых, этот вновь выявленный источник позволил отнести размышления о нигилизме в России к более раннему периоду развития эстетической мысли. Во-вторых, исследователь еще раз акцентировал масштаб понятия «нигилизм» именно как духовного феномена, отразившегося и проявившегося в культурном сознании с конца 1810-х до 1860-х годов. Наконец, обращение к «Речи мертвого Христа с вершины мироздания о том, что Бога нет» из романа Жан Поля «Зибенкез» позволило обозначить перспективы философии нигилизма для последующего литературного развития и ее смыкание с религиозными проблемами.

Любопытно, что одновременно с П. Тиргеном к этим же источникам нигилизма из Жан Поля обратился А.В. Михайлов. Оба исследователя были единодушны в том мнении, что история понятия «нигилизм» в XIX в. до Тургенева является наглядным примером немецко-русских взаимосвязей и взаимовлияния

---

[20] *Михайлов А.В.* Указ. соч. С. 610. (Курсив автора. — *П. Т.*)

[21] Res Slavica. Festschrift für Hans Rothe zum 65. Geburtstag / Hg. P. Thiergen, L. Udolph. Paderborn, 1994. S. 295–317. Ср.: *Тирген П.* Заметки о раннем русском понятии «нигилизм» // Россия — Запад — Восток: Встречные течения. К 100-летию со дня рождения акад. М.П. Алексеева. СПб., 1996. С. 396–402.

и что «Жан Поль странным образом подготовил и центральные понятия “нигилизма”»[22].

Наверное, не случайно в центре научных интересов Петера Тиргена оказались два русских романиста — Тургенев и Гончаров. Именно их поиски, по мнению исследователя, стали переломным моментом в общественном сознании России и корреспондировали с атмосферой споров в немецком обществе постромантической эпохи, в частности, с движением «Молодой Германии». «Ключевые слова культуры», идеологемы и философемы бурной эпохи 1840–1860-х годов получили в романах Тургенева и Гончарова не только своё образное выражение, но и вторую жизнь, своеобразно очеловечились и заземлились. Пилигримаж Рудина, земледельческие проекты Лаврецкого, нигилизм Базарова, романтические иллюзии и шлафрок Обломова — все эти образы-понятия русской романистики осмысляются Тиргеном как феномены духовной культуры своего времени сквозь призму философской и эстетической мысли Германии.

Такой взгляд рождает особую объемность исследуемых явлений и вместе с тем углубляет представление о философском потенциале русской романистики 1840–1860-х годов. Петер Тирген, не подвергая сомнению уникальность художественных открытий Тургенева и Гончарова, сумел раскрыть их органическую связь с философской культурой своего времени, в частности с немецкой.

Логическим продолжением и развитием этого направления феноменологической мысли немецкого слависта стали его работы, посвященные рецепции немецкой мысли в России. Уже первое исследование, выполненное в этом научном русле — монография «Вильгельм Генрих Риль в России»[23], появившаяся

---

[22] *Михайлов А.В.* Указ. соч. С. 558.

[23] *Thiergen P.* Wilhelm Heinrich Riehl in Rußland (1856–1886) // Studien zur russischen Publizistik und Geisesgeschichte der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Giessen, 1978. 331 S.

еще в 1978 г. и, к сожалению, до сих пор почти неизвестная у нас, было знаковым для методологических поисков П. Тиргена. По существу, исследователь открыл немецкого писателя, публициста и историка Вильгельма Генриха Риля (1823–1897) для истории русского общественного сознания. Несмотря на фундаментальную фактическую основу монографии (а скорее, благодаря ей), автор увидел репрезентативную фигуру в личности и трудах этого малоизвестного для современного русского читателя представителя немецкой мысли, публицистика которого активизировала размышления русского общества о природе и характере славянского мира, о его соотношении с европейским менталитетом.

Сочинения этого немецкого автора, прежде всего, книга «Естественная история народа как основа немецкой социальной политики», включившая размышления о природе гражданского общества, о семейной жизни, о народных обычаях и нравах, актуализировали идеи народознания в России, что было важно для пореформенной эпохи, остро ставили проблему консерватизма как специфической черты русского и шире — славянского характера. Не случайно от Ивана Аксакова, который, как убедительно доказал П. Тирген, лично был знаком с Рилем, до Льва Толстого, который в 1860 г., читая сочинения Риля, размышлял о «народной из народа литературе» и природе консерватизма. Идеи Риля воспринимались русской либеральной мыслью как органическая часть культурно-исторического сознания. Показательно в этом отношении суждение А.В. Дружинина о гончаровском «Обломове» в связи с воззрениями Риля. «Германский писатель Риль, — писал он в статье 1859 г., — сказал где-то: горе тому политическому обществу, где нет и не может быть честных консерваторов; подражая этому афоризму, мы скажем: нехорошо той земле, где нет добрых и неспособных на зло чудаков в роде

Обломова!»[24]. Риль и Гончаров — герои исследований Петера Тиргена — далеко не случайно так соотнеслись в суждении русского критика.

История русских понятий, феноменов русского духа как объект научной рефлексии немецкого слависта органично соединила философию и культуру, общественную мысль и литературу. Загадка этого синтеза интересует П. Тиргена и определяет эвристическое пространство его серьезных и увлекательных опытов. Что, казалось бы, малоизвестный Генрих Риль (даже, кстати, никак не зафиксированный в девятитомной «Краткой литературной энциклопедии») России, русской литературе?! Объемное исследование П. Тиргена о судьбе Риля в русской публицистике и духовной истории второй половины XIX в. доказывает значение идей немецкого народознания и немецких социально-философских и общественно-исторических теорий для русского культурного сознания. И убеждает в том, сколь значим был диалог двух культур и сколь еще недостаточно глубоко мы осмыслили этапы этого диалога, нередко ограничиваясь штампами восприятия и привычной обоймой имен.

Столь же естественным был постоянный интерес П. Тиргена к судьбе Артура Шопенгауэра в России. Многочисленные заметки ученого о русской рецепции Шопенгауэра, рецензии, русские и немецкие исследования о нем подготовили реальную основу для фундаментальной монографии «Шопенгауэр в России», работа над которым завершается. И вновь Шопенгауэр привлекает внимание П. Тиргена как выразитель определенной феноменологии духа, которая оказалась близка русскому художественному и общественному сознанию. «Ключевые слова культуры» соединили, казалось бы, несоединимое: философию

---

[24] *Дружинин А.В.* «Обломов». Роман И.А. Гончарова. Два тома. СПб., 1859 // Дружинин А.В. Прекрасное и вечное. М., 1988. С. 458. Впервые опубликовано: Библиотека для чтения. 1859. № 12. Отд. IV. С. 1–25.

«böser Wille» (злой воли) Шопенгауэра и мир страстей героев повести Н.С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда». И такие странные сближения закономерны в исследовательском пространстве немецкого слависта.

Феноменологические изыскания П. Тиргена расширяют мир философской рефлексии русской литературы и шире — культуры. Гердер, Кант, Шиллер, Гёте, Жан Поль, Гегель, Шопенгауэр, Бюхнер, Гейне, Риль и Блох через «ключевые слова культуры» вступают на страницах книг и статей П. Тиргена в духовное братство с русскими писателями и деятелями культуры. И в этом мире духовного братства и феноменологии духа рождаются художественные открытия мирового масштаба. Образы изящной словесности и феномены философской мысли не изолированы в духовном развитии человечества, и русская культура в этом отношении открыла невиданные возможности синтеза. Этот синтез эстетической и философской мысли, материализованный в системе художественных мотивов и образов, определил мировое значение русской литературы. Этот пафос всей творческой деятельности Петера Тиргена имеет больше чем научное значение. Он обретает общегуманистический смысл, способствующий сближению национальных культур.

Самоценным аспектом трудов Петера Тиргена является их научный аппарат, демонстрирующий не только универсальную начитанность ученого в русском литературоведении, но и репрезентативно представляющий масштабы современной немецкой славистики, немецкой литературной теории и библиографически-справочной литературы. И совершенно особенного разговора заслуживает язык Петера Тиргена — и его немецкий, и русский язык; вернее было бы сказать, свойственное ему чувство языка вообще, глубина постижения языковых смыслов, способность словотворчества и очень родственный характер владения русским языком. Русская речь немецкого профессора может поразить воображение даже самого квалифицирован-

ного носителя русского языка той непринужденной свободой, с которой он пользуется самыми изощренными способами слововыражения и смыслопорождения, зачастую недоступными даже урожденным носителям русского языка — с острым чувством внутренней формы слова, синонимии и антонимии, парономастического потенциала русского слова и его органичной склонности к игре своим звуком и смыслом. Языковая игра, к которой способен далеко не каждый не то что даже профессиональный европейский славист, хорошо говорящий по-русски, но и прирожденный русскоговорящий, — характерная примета русской речи Петера Тиргена, остро чувствующего каламбурные возможности русских грамматических словоформ и уснащающего свою речь практически всем спектром каламбурных приемов — от разрушения фразеологизма до обыгрывания морфологического состава слова (ср., например, пожелание удачного отпуска: «жизнь на даче — у-дачная жизнь»).

Но это свойство русской речи профессора есть отражение специфики его немецкого языка — разумеется, в той мере возможности постигнуть эту специфику, в какой на это способен переводчик работ Петера Тиргена, которые, надо признаться, создают массу проблем чисто языкового характера. По сути дела, переводить работы Петера Тиргена следует исходя не из методологии технического перевода (как это необходимо для любого перевода в сфере профессиональной коммуникации), но из специфики перевода художественного. Русский литературовед С.Г. Бочаров счел литературоведение отраслью изящной словесности[25], и оригинальный немецкий язык литературоведческих

[25] В предисловии к книге «Сюжеты русской литературы» С.Г. Бочаров писал: «Литературоведение — это тоже литература, и филолог — это писатель, он не только имеет дело с исследуемым словом другого писателя, он работает с собственным словом сам, без чего ему не откроется и исследуемое слово». И далее: «Филологическая работа — продолжение самой литературы, необходимое этой последней для самопонимания». *Бочаров С.Г.* Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 12.

работ Петера Тиргена — лучшее тому доказательство, поскольку его стиль, как правило, конгениален стилистике объекта его исследования. Чеховский, лесковский, гончаровский, гоголевский и пушкинский стиль научного немецкого дискурса Петера Тиргена — это очевидная языковая опция его литературоведческих работ. В случае же, если объектом исследования является философский дискурс, язык профессора приобретает истинно философский, метафизический характер с непринужденным творением новых смыслов в неологизмах, созданных синтетическим соединением известных корней в нетипичную вербальную единицу (и тогда переводчик обливается слезами отчаяния над словом Eräugnis, которое ему хорошо понятно, но эквивалента которому в русском языке не существует, а также ломает голову, как сохранить в переводе исполненную глубоко экзистенциального философского смысла выразительнейшую оппозицию «Er-eignis — Er-äugnis», вся вербальная красота и весь философский смысл которой заключены именно в парономастической игре словоформой). Одним словом, в своем отношении к языку и на своем уровне владения языком как таковым — и немецким, и русским (духу не хватает назвать русский язык иностранным в случае с Петером Тиргеном!), профессор Тирген — истинный поэт и мыслитель (Dichter und Denker) в лучших традициях немецкой культуры.

Чувство языка, любовь к слову и его смыслопорождающим возможностям, острота ассоциативного восприятия текста на широчайшем европейском историко-культурном фоне открывают Петеру Тиргену такие возможности постижения имплицитных смыслов текста, которые способны поразить воображение даже профессиональных русских литературоведов. Например, хорошо известная шутка Чехова «Смерть чиновника» может быть осмыслена на фоне аркадского мифа европейской культуры и приобрести невиданный экзистенциальный размах; в рассказе «Припадок» обнаруживается маска Дон Кихота, а в коми-

ческой миниатюре «О вреде табака» исследователь выявляет отчетливые фаустианские мотивы[26]. И более того, работы Петера Тиргена заставляют внимательного читателя осознать, насколько богаты смыслами русские классические тексты (положение вообще-то аксиоматическое) — но только в том случае, если к ним обращается владеющий необозримым ассоциативным фоном восприятия исследователь. Поэтому при всех трудностях, которые создают работы Петера Тиргена для его переводчиков, без этих работ, ставших в их русских переводах достоянием русского литературоведения, наше представление о собственных классических текстах было бы гораздо беднее. И это тоже до некоторой степени имагологический сюжет: ситуация встречи ментальностей (в том числе языков в процессе взаимодействия-перевода) акцентирует оппозицию «свое-чужое», заставляющую острее переживать обе эти категории — та самая ситуация, которая для русской культуры всегда была экзистенциальной: свою идентичность она острее и лучше чувствует на иноментальном фоне. Что характерно, и полярность категорий «своего» и «чужого» при этом упраздняется — чужое доместицируется, свое отчуждается. Знаменитая формула русской ментальности «всемирная отзывчивость» рождается из этой экзистенциальной ситуации. И профессор Петер Тирген в методологии своих трудов по истории русской литературы, созданных на огромном всеевропейском историко-культурном и философском фоне, демонстрирует это самым очевидным образом.

Особого разговора заслуживает издательская деятельность ученого. Серии «Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik» и «Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte», активным сотрудником которых он является, имеют устойчивую репутацию серьезных славистических изданий и во многом отражают уровень современной европейской филологической мысли.

---

[26] *Тирген П.* «Поэты много лгут»: Чехов, или Любовь к маске; см. в наст. изд.

Сотрудничество в этих изданиях славистов различных стран — свидетельство неиссякаемого интереса к русской культуре.

«Феноменология духа» Гегеля впервые была опубликована в Бамберге (Bamberg und Würzburg: J.A. Göbhardt, 1807), где ее автор поселился и жил в 1807–1808 гг. Гегелевское творение не только и, может быть, даже не столько великое и фундаментальное философское сочинение. Оно торжество человеческого духа вообще, «претворения самосознания в действительность» и призыв к «нравственному действию». Вся научная деятельность и жизненная позиция Петера Тиргена — продолжение и развитие этих духовных феноменов. Только, пожалуй, они воспринимаются бамбергским профессором как повседневная реальность и норма человеческого поведения — и это особенно очевидно сейчас, когда Петер Тирген, перестав быть официально действующим университетским педагогом, отнюдь не перестал быть активным и творческим, плодотворным и в высшей степени интересным ученым.

* * *

Композиция предлагаемого сборника продиктована желанием составителя репрезентативно представить диапазон исследовательских интересов Петера Тиргена в области русской литературы — от эпической поэмы М.М. Хераскова «Россияда» до повести И.А. Бунина «Господин из Сан-Франциско». В состав сборника вошли все опубликованные в русских периодических изданиях работы немецкого ученого и вновь выполненные специально для этого сборника переводы. Сборник состоит из трех разделов, отражающих основные направления научной деятельности Петера Тиргена: «История русской литературы», в который вошли работы, посвященные отдельным произведениям М.М. Хераскова, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Н.С. Лескова, А.П. Чехова, И.А. Бунина; «Творчество И.А. Гончарова» — это один из главных героев Петера Тиргена; «История русских понятий» — в области научных интересов

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru